

УДК 07.013(571.5)(091)

Опорный край державы.

К 75-летию образования Иркутской области

Л. М. Дамешек

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

Рассматривается история образования Иркутской губернии с XVII в. по 1917 г.

Ключевые слова: Прибайкалье, история, образование, Иркутская губерния.

Иркутская область появилась на карте России сравнительно недавно, в 1937 г. Но это формальная дата и формальное событие. Семьдесят пять лет назад 27 сентября 1937 г. газета «Известия», орган ЦИК СССР, а на следующий день газета «Восточно-Сибирская правда» опубликовали постановление ЦИК СССР от 26 сентября 1937 г. за подписью М. Калинина и А. Горкина «О разделении Восточно-Сибирской области на Иркутскую и Читинскую области». Этим же постановлением объявлялось о создании двух бурят-монгольских национальных округов: Агинского – с подчинением Читинской области и Усть-Ордынского – Иркутской. Правительство лишь узаконило административное и экономико-географическое образование нашего региона. На самом деле он сложился очень давно. Исторический путь, который прошла Иркутская губерния, гораздо больше, чем время существования Иркутской области.

В XVI–XVII вв. предки сегодняшних сибиряков совершили настоящий подвиг. Был сделан фантастический прорыв в освоении восточных окраин России. Русские люди сумели всего лишь за какие-то два-три столетия превратить суровый прибайкальский край в мощный экономический, военный и политический оплот Российского государства на востоке континента. Движение русских на восток было неодолимо. Точкой отсчета в истории Иркутской губернии стало появление на берегах Лены и Ангары отрядов атаманов-землепроходцев Бекетовых, Бутаковых, Галкиных, Перфильевых и многих, многих других, уже в 30-х гг. XVII в. заложивших Илимский, Киренский, Братский, а чуть позже Иркутский остроги. Я неслучайно начал статью с этого небольшого исторического экскурса. Ведь история – это наставница жизни. Незнание ведет к небрежению. А нам, жителям Иркутской области, есть о чем помнить и чем гордиться. На берегах Байкала всегда кипел и клокотал людской котел. Благословенные места притягивали к себе не только русских, но и полиазиатов, тюрков, иранцев... Наш край всегда был донором. Уже че-

рез считанные годы Илимская пашня кормила хлебом огромный регион, Иркутское адмиралтейство готовило и снаряжало знаменитые северные экспедиции, а Иркутский генерал-губернатор сообщал в столицу, что Дальний Восток отныне и навечно наш. Именно иркутские священнослужители приводили к православию туземцев Аляски и Калифорнии, именно здесь уже в XX в. родились знаменитые на всю страну комсомольские стройки.

Ко времени прихода русских в Восточную Сибирь ее огромные, кажущиеся на первый взгляд незаселенные территории, были освоены и обустроены местными народами. Но это мироустройство представляло иной тип, отличный от сложившегося в России. С появлением русских в Сибири начались перестройка системы общественного разделения труда, проникновение товарно-денежных отношений, что отказало огромное влияние на динамику и социальную структуру туземного общества, его политическую организацию, характер международных отношений в регионе. В исторической литературе территориальное расширение России обычно рассматривается как создание империи. Применительно к народам Прибайкалья, как и Сибири в целом, на первых порах процесс имперского строительства сопровождался обложением их данью (ясаком) в пользу государства. По мере втягивания аборигенов в общероссийскую систему государственных, экономических и иных связей на них были распространены и другие виды податных обязанностей, например земские, мало или ничем не отличающиеся от обычного крестьянского тягла. Следовательно, и сибирские аборигены, и русские крестьяне рассматривались как подданные государства и должны были платить соответствующие налоги на его содержание.

Это обстоятельство принципиально отличало колонизационную политику России в Сибири от политики США по отношению к индейцам, которые не платили налоги и, в соответствии с конституцией США, не считались гражданами государства. США, продвигаясь с Востока на Запад, новые территориальные приобретения осуществляли путем покупки по договорам индейских земель, или же путем насильственного лишения индейцев их охотничьих угодий. В России по мере ее продвижения с Запада на Восток правительственные указы, наоборот, требовали не допускать столкновения колонистов и аборигенов из-за земли, что обеспечивало сибирским народам возможность выполнения их основной обязанности по отношению к государству – уплаты ясака. Кроме того, в условиях малочисленности русского населения, огромной территориальной разбросанности и слабости русских административных и военных центров, потенциальной угрозы столкновения интересов России с государствами Центральной Азии и решения стратегической задачи – закрепления Сибири за Российским государством – московские, а впоследствии петербургские Романовы аборигенному фактору изначально отводили немаловажную роль. Характер взаимоотношений между аборигенами и русскими пришельцами оказал серьезное влияние на темпы продвижения русских к Тихому океану.

Продвижение русских на Восток не было исключительно русским явлением. Хронологически оно совпало со временем основания англосаксами

первых европейских колоний на Североамериканском континенте. Рождающимся нациям было тесно в своих прежних границах. Однако темпы продвижения, методы освоения новых территорий, взаимоотношения с аборигенным населением в Сибири и на американском Западе существенно различались между собой. Продвижение русских на Восток сопровождалось распространением на новые территории общенационального политико-административного, хозяйственного и социокультурного уклада, «втягиванием», подчас противоречивым, но, тем не менее, в общенациональную экономическую, политическую и социокультурную систему этих народов. В США же, наоборот, складывающаяся рыночная экономика молодого государства поглощала индейские племена.

Русское государство со времени своего возникновения было многонациональным. Уже в Древней Руси славянское население было тесно связано с другими этническими группами. По мере складывания единого Российского государства многонациональный характер его все более усиливался. В конце XIV в. в составе Российского государства оказались мари, югра, мордва, печенеги, карелы. На рубеже XVI–XVII столетий вследствие народного движения на восток к России были присоединены обширные районы Западной Сибири. В результате постройки городов – Тюмень (1586), Тобольск (1597), Березов, Пелым, Сургут (1593), Тара (1594), Нарым и Кетский острог (1596), Верхотурье (1598), Туринск (1600) и Томск (1604) – возникла новая геополитическая ситуация в Сибири. Был образован прочный военно-политический и хозяйственно-демографический плацдарм для продвижения русских отрядов в Восточную Сибирь, к Енисею, и тем самым заложены основы будущей Азиатской России. Летом 1619 г. был заложен Енисейский острог, что имело решающее значение для будущего продвижения русских в глубь Восточной Сибири. Вскоре русские вышли к устью реки Ангары (Верхней Тунгуски), откуда открывался прямой путь в Прибайкалье.

С основанием в 1628 г. Красноярского, а затем Канского (1640) и Нижнеудинского (1652) острогов происходит освоение другого пути в Прибайкалье, по которому в XVIII в. был проложен знаменитый Московский тракт. С 1620-х гг. начинается колонизация территории Прибайкалья – «земли братьев». По всей Сибири ходили слухи о многолюдности этой земли, обширности и богатстве. Однако сведения русских служилых людей из Енисейска – опорного пункта колонизационного движения русских в Прибайкалье – о бурятах были немногочисленны. Из поступавших в Енисейск челобитных, отписок и иных документов было лишь известно, что «братская земля» широка и обильна, а сами буряты «доброконны и доброоружны». Одно из первых известий такого рода доставил в Енисейск летом 1626 г. атаман Максим Перфильев, с отрядом казаков дошедший до Шаманских порогов в верховьях Ангары и собравший ясак с охотившихся там тунгусов. «А сказывали ему, Максиму, в расспросе, шаманские люди, что братская земля богата и людей в ней много, а люди сидячие, и берут де братские люди ясак со многих малых земель, у товарищей братской земли. Соболи и лисицы и бобры у бухарских товаров дорогов и киндяков и зенденей и шелков и белья много, а коней и ко-

ров и овец и верблюдов бесчисленно, а хлеб пашут ячмень и гречу... и ждут брацкие люди к себе... государевых служилых людей, а хотят тебе, великому государю, брацкие люди поклониться и ясак платить и с служилыми людьми торговати».

Сведения Перфильева о богатстве бурятской земли подтверждали и томские служилые люди, писавшие в 1646 г. в челобитной: «А тех, государь, братских людей много, во всех улусах тысяч 70 и больше и те, государь, все сбруйны и лошади у них сбруйны». Однако для организации дальних и не особенно прибыльных походов русских служилых людей в бурятскую землю такой информации было явно недостаточно. Для сбора точных сведений снаряжались рекогносцировочные экспедиции, имевшие, наряду с разведывательными, чисто меркантильные цели – сбор ясака с туземцев.

Первая встреча русских с бурятами произошла в 1629 г., когда сотник Петр Бекетов с отрядом казаков, «уговоря братских людей, привели под государеву царскую высокую руку князцов Кодогоня да Кульза да Лидия с товарищи в том, что им, князцам, и брацким людям, быть под государевую царскую высокую рукою неотступным и ясак с себя платить в Енисейский острог...». Трудно сказать, чем больше – посулами или силой – действовал Бекетов, однако совершенно очевидно, что буряты никакого сопротивления не оказали. Дальнейшая история продвижения русских в глубь Восточной Сибири имеет весьма противоречивый характер. С одной стороны, источники донесли до нас немало сведений о военных, порой весьма сильных, столкновениях казачьих отрядов с бурятами. В то же время хорошо известно, что первые встречи с бурятами носили мирный характер. Уже упоминавшийся Бекетов совершил и второй поход в бурятскую землю, поднявшись вверх по Ангаре до верхних бурятских улусов (около Усть-Уды), жители которых дали ясак «без войны».

Однако вслед за этим в бурятских степях разыгралась кровавая трагедия. Отряд под командованием Якова Хрипунова, потерпев полное фиаско в поисках в Прибайкалье серебряной руды, компенсировал потери подлинным разгромом бурятской земли и насильственным сбором ясака. Эти притеснения совпали с набегом казачьей вольницы вновь учрежденного Красноярского острога, недовольного монополией Енисейска на сбор ясака с бурят. Именно тогда, в ходе строительства Илимского (1630), Киренского (1630), Братского (1631), Удинского (1648), Верхоленского (1641), Балаганского (1654) острогов как опорных пунктов освоения края, позиция бурятских «князцов» начинает меняться: они выступают против русских отрядов с оружием в руках.

Вопрос о характере вхождения коренных народов региона в состав Российского государства имеет принципиальное значение для определения исторических судеб сибирских аборигенов в составе России. Для того чтобы ответить на него, следует внимательно разобраться в тех процессах, которые проходили в Прибайкалье накануне и в момент прихода туда русских.

Процесс колонизации Восточной Сибири отличался своеобразием. Отдаленность края, его гигантские размеры способствовали большей самостоя-

тельности местной сибирской администрации, что имело свои положительные (возрастала оперативность действий на местах, лучше выделялась специфика края) и отрицательные (стихийность движения, соперничество и вражда в деятельности отрядов служилых) моменты. В едином колонизационном потоке слилась деятельность отрядов служилых и промышленных людей. Российское правительство стремилось расширить границы феодальной эксплуатации за счет вовлечения в хозяйственный оборот огромной, богатой пушной и полезными ископаемыми, территории. Сам характер продвижения русских в глубь Прибайкалья определялся военно-политической обстановкой в регионе, целями, возможностями русских отрядов, с одной стороны, и уровнем социально-экономического развития и политической организации туземных народов – с другой.

В Прибайкалье русские застали сложные межплеменные отношения, которые основывались на принципе подчинения более сильными племенами слабым. Племена, находившиеся в подчинении, назывались кыштымами. Их обязанностями были уплата дани (ясака, албана) – основная обязанность и выставление ополчения. Чем ближе жили кыштымы к своим господам, тем прочнее была зависимость и регулярнее сбор дани. Для племен, которые жили в отдалении, сбор дани носил характер набегов. Обязательства между кыштымами и повелителями были взаимны: первые платили дань и выставляли вспомогательное войско, вторые обеспечивали охрану своих кыштымов. Отношения господства и подчинения прочно укрепились между племенами Прибайкалья: бурятские племена легко одолевали и превращали в кыштымов тунгусские племена по рекам Вихоревке, Лене, Илиму, а также племена, жившие по Енисею и Кану. Здесь знали бурят и боялись их, но лишь постольку, поскольку сюда приходили время от времени бурятские военные отряды, грабившие население. Это были самые обыкновенные грабительские набеги, предпринимавшиеся с целью захвата добычи и пленных. Качинские туземцы, подвергавшиеся систематическим набегам бурят, в 1613 г. отказались платить ясак русским, «потому что де их воевали братские люди». Даже утверждение русских на Кане не прекратило набегов бурят. Еще в 1630-х гг. «братские люди» и их кыштымы «приходили войною на канскую землю, побивали туземцев, забирали в полон их жен и детей, брали с них ясак и разоряли до основания».

Однако, имея своих кыштымов, бурятские племена не могли противостоять более сильным монгольским и ойратским феодалам. В 1617 г. послы монгольского Алтын-хана, бывшие в Москве, рассказывали, что хан «ясаков имеет с саянцев, с братьев и других племен мягкой рухлядью». И сами буряты в 1639 г. отвечали эвенкийскому князю Можеулю, посланному к ним на реку Ангу русскими за ясаком: «Мы де дали ясак в мунгалы, еммат де с нас мунгалы ясак из веку по соболу с человека...». В 1648 г. монгольский Сани-Очирой-хан называл своими «ясачными людьми» селенгинских, иркутских, верхоленских бурят. Но, признавая факт вассальной зависимости некоторых бурятских племен от монгольских ханов, следует помнить, что бурятская земля никогда не была владением монгольских ханов, дело ограничивалось лишь сбором ясака.

Как видим, к отмеченным выше особенностям внутривосточной обстановки в Прибайкалье накануне прихода туда русских добавлялся внешнеполитический фактор. Довольно скоро, уже в середине XVII в., он стал оказывать существенное влияние на позиции бурятских племен в вопросах взаимоотношений с русскими.

Характерными для Прибайкалья были межродовые внутренние распри, межплеменные конфликты. Эти традиционные, издавна существующие взаимоотношения внутри туземного общества Прибайкалья использовали русские, подчинив их своим целям, поставив данную систему взаимоотношений себе на службу. Продвижение русских отрядов на восток сопровождалось конкуренцией и корыстью местной сибирской администрации и отрядов служилых людей. Военно-политическая обстановка в Прибайкалье осложнялась грабежами и насилием казачьей вольницы, что вызывало ожесточенное сопротивление аборигенов.

Следует также отметить, что обострение отношений между русскими и бурятами явилось следствием не только и не столько действий казачьей вольницы, сколько прямым результатом политики царизма. Хотя царские указы, особенно «государево жалованное слово», требовали с ясачными обходиться «лаской и приветом», а тех служилых людей, кто «их [ясачных. — *Прим. авт.*] чем изобидел или посулы или поминки имал, давати под суд и сыск праведной и расправу», однако эти же указы требовали беспощадной расправы с «ослушниками» в случае их сопротивления. Ясачным строжайше предписывалось жить в «покое и тишине, без всякого сумления» и «промыслы свои промышлять».

Таким образом, с самого начала колонизации края в правительственной политике обозначились две взаимоисключающие тенденции: желание обеспечить переход ясачных «под государеву руку» мирными средствами и стремление к установлению твердой власти и бездоимочному сбору ясака. Последнее на практике зачастую выливалось в ничем не прикрытое насилие. Стремление царского правительства найти общий язык с бурятами толкало его прежде всего на союз не с улусной массой, а с верхушечными слоями — «князцами».

Реакция коренных народностей на русское присутствие в Прибайкалье была неоднозначной. Тунгусы, бывшие кыштымами бурят, быстрее смирились с пребыванием русских на их землях, надеясь на избавление от господства бурят и на защиту русских покровителей. Они давали «вожей» (проводников) в «братские земли», от имени русских выступали сборщиками ясака с бурят. Воинственные князцы бурят не желали мириться с новой для них участью — терять «породные земли» и контроль над племенами-кыштымами и рядовыми улусниками.

Колонизация Восточной Сибири, Прибайкалья в частности, проходила вначале как охват возможно большей территории, но малыми силами из-за слабости казачьих отрядов, обладавших ограниченными средствами и возможностями для экономической интеграции. Оттого и столбилось освоение огромной территории, а экономически осваивались лишь небольшие пространства.

Но несомненно и другое: с появлением русских в Сибири начались перестройка системы общественного разделения труда, рост экономического общения, проникновение товарно-денежных отношений. Все эти процессы оказали огромное влияние на социальную структуру туземного общества, на его политическую организацию, изменили характер международных отношений в регионе.

Разрыв в формационном развитии Российского государства и туземных народностей Прибайкалья, военное превосходство русских служили основой для эксплуатации аборигенов. Вначале русские ничего не меняли в жизни туземного общества: не трогали ни их религии, ни их хозяйственного уклада, умело и гибко использовали князцов, поставив их себе на службу. Однако со временем здесь стала формироваться новая система колониальных отношений.

Как мы уже упоминали, кажущиеся на первый взгляд незаселенными огромные территории Прибайкалья были освоены и обустроены местными народами. Но это мироустройство представляло иной тип, отличный от сложившегося в России. Изыскивая наиболее удобные в стратегическом отношении места для строительства укреплений, отряды служилых людей останавливали свой выбор на принадлежащих аборигенам участках, оказавшихся ключевыми в структуре хозяйственных и политических взаимоотношений местного населения. Эти территории были жизненно важными как для туземцев, так и для русских пришельцев. Существовавшие пути товарообмена, политическая связанность и социальная организация местного общества были сосредоточены на этих территориях. И пришельцы, укрепившись на этих землях, получили возможность контролировать и предопределять, а зачастую и диктовать все условия жизни местного населения. Военный характер русской деятельности на вновь приобретенной территории отнюдь не всегда был в форме открытой агрессии. Чаще всего он носил характер демонстрации военной силы, чего было вполне достаточно. Не случайно правительственные указы, инструкции, наказы местной администрации предписывали не провоцировать нарушения лояльности со стороны местного населения, по возможности сохранять полюбовные отношения с явными конкурентами – монгольскими ханами и маньчжурским правительством Китая, которые не хотели терять право взимать дань с сибирских народов. Ясак был первоначальной и главной формой экономической эксплуатации туземцев и одновременно свидетельством их независимости. В случае неповиновения оружие становилось тем необходимым средством, с помощью которого туземцы приводились в покорность, а крепостные сооружения служили напоминанием о зависимости, играя в этих условиях двоякую роль: с одной стороны, они являлись демонстрацией потенциальной или реальной военной силы, с другой – выполняли функции обороны, защиты русского населения от возмущенных туземцев.

Анализ динамики антирусских выступлений бурятских князцов в период присоединения Прибайкалья к России показывает, что пик их приходится на 1620–1650-е гг. В 1634 г. бурятские князцы сожгли Братский острог, спустя год казаки восстановили его. Однако уже в 1638 г. «братские» князцы вновь «учинились непослушны». В 1639–1640 гг. в окрестностях Илимского остро-

га ясачные тунгусы, поддержанные бурятскими племенами, вступили в вооруженную борьбу против казаков. В 1641 г. началось крупное движение тунгусов в районе Верхоленского острога.

Данный период характеризуется быстрыми темпами роста числа различных крепостных сооружений и образованием русских поселений вокруг них. Это символизировало стабильность русского присутствия в регионе и не оставляло местным князьям иллюзий о сохранении традиционных отношений со своими кыштымами. Именно строительство острогов, играющих все большую роль в политической и хозяйственной жизни края, явилось главной причиной сопротивления бурятских князев дальнейшему продвижению русских отрядов в глубь Восточной Сибири. Межострожная борьба, о чем не раз писалось в литературе начиная с XVIII в., на самом деле не отталкивала бурят от русских, а наоборот, как это ни парадоксально, способствовала их сближению. Зачастую согласие бурят платить ясак обуславливалось обещанием постройки в их земле острога. В «своем» остроге они видели надежную защиту от вторичного сбора ясака другими острогами и казачьей вольницей. Следует также учитывать и постоянную угрозу бурятам со стороны необъясаченных соплеменников, которые рассматривали их как изменников и при первом удобном случае совершали на эти земли опустошительные набеги.

В 1650-х – начале 1660-х гг. обстановка в Прибайкалье резко меняется в связи с активизацией западномонгольских и ойратских феодалов, которые стремились вернуть своих бывших ясачных. Если в 1620–1640-х гг. случаи ухода бурятских племен в «монгольские земли» от притеснения русских воевод и «погромов» отрядов служилых были явлением частым, то в 1650–1660-е гг. такие уходы резко сократились, так как в Монголии буряты подвергались безжалостной эксплуатации.

Неспособное собственными силами противостоять отрядам монгольских феодалов, туземное население вынуждено было обращаться за помощью в русские остроги. Отряды монгольских ханов нападали на ясачных Тункинского и Бельского острогов. Разорительные набеги монгольских ханов заставляли туземцев не только искать защиты за стенами острогов, но и объединяться с русскими служилыми для совместной защиты, как это было в 1691 г., когда балаганские ясачные пришли под Тункинский острог для защиты от нападений монголов. Одновременно идет процесс возвращения бурятских племен из Монголии в свои «породные земли»: в Балаганский, Тункинский, Удинский остроги.

Чтобы прекратить разорительные набеги монгольских ханов, необходимо было строить преграды на «монгольских дорогах», т. е. сооружать остроги на путях проникновения монголов в Прибайкалье. Известны случаи обращения туземцев к русской администрации с просьбой о постройке острогов в их «землицах» для оберегания от монголов. «Запереть» «мунгальскую дорогу» настойчиво просили буряты в 1669 г. Они явились в Илимский острог и били челом на «мунгальских немирных иноземцев», которые «приезжают к ним, ясачным брацким людям, почасту и чинят им де обиды и утеснение большое и угрожают де воинским приходом, похваляются де повоевать и разгромить

вконец». Острог они просили поставить между Иркутом и Балаганском у устья реки Иды. И «в прошлом во 77 (1669) году по челобитью брацких людей на мунгольском перевозе Ангары реки на усть Иды речки для обереженья от воровских мунгальских людей... острог поставили». Так был основан Идинский острог.

В 1671 г. Андрей Бурнашев, посланный для перестройки Иркутского острога, доносил, что ставил новый острог наскоро днем и ночью, потому что «шло на Иркутской и на Брацкой и на Верхоленской остроги семь тойшей с войском двадцатью тысяч и то войско было на Иркутских степях и божиею милостью твоим государским счастьем, слыша острожную поставку, те мунгальские люди с иркуцких степей отошли назад».

К 1690-м гг. в Прибайкалье существовала сеть крепостных сооружений, сложившаяся система размещения которых характеризовалась локальностью русского присутствия, многочисленностью и расселенностью русских отрядов по обширной территории. Данная система оказалась возможной и эффективной формой колонизации потому, что во многом скопировала и повторила ранее сложившуюся на этой территории структуру расселения и жизнедеятельности местного населения. Крепостные сооружения были форпостами колонизации края, а также символами военного могущества России. Первоначально многие крепостные сооружения Прибайкалья выполняли военно-административную функцию. «Сибирские города XVII в. преследовали одну основную цель: они должны были служить военно-административными центрами для сбора ясака с туземцев и для дальнейшего захвата «немирных земель», в том числе для защиты русского и местного населения.

Братский острог «был построен прежде всего как военная крепость и в течение длительного времени преобладающей частью населения здесь были служилые люди». Он неоднократно подвергался нападению бурят, а в 1635 г. был сожжен и вновь отстроен.

Для подчинения тунгусов был основан Киренский острог, однако его стены никогда не видели никаких сражений. Первоначально острог был центром огромной ясачной волости. Из Удинского острога совершал походы на бурят и на енисейских киргизов Е. В. Тюменцев. Для защиты Иркутска был построен Тункинский острог – «наиболее южное русское укрепление, «застенье и оборон» от неожиданных нападений на ангарские остроги».

Чрезвычайно большое внимание уделялось выбору местоположения будущего крепостного сооружения. Учитывались политическая обстановка, топографические условия, факторы, обеспечивающие защищенность острога в военно-оборонительном отношении, а также нормальную жизнедеятельность в удобном месте – на пересечении сухопутных и водных торгово-транспортных путей (как Братский острог, пути из которого вели в Якутию, Забайкалье, Монголию, Китай; или Илимский и Усть-Кутский остроги, находившиеся на «Ленском волоке», через который шли пути в бассейн реки Лены, а через Илимск к тому же следовали торговые караваны из Монголии и Китая).

В Забайкалье и Якутск вели пути из Братского, Илимского, Иркутского острогов. Через Верхоленский острог шли караваны из Забайкалья в Илимск

и Якутск. Илимский острог, который вырос из зимовья, заложенного в 1631 г., благодаря своему географическому положению в 1649 г. стал центром Илимского воеводства. Острог контролировал один конец «Ленского волока», другой конец контролировал Усть-Кутский острог, который был первой опорой на реке Лене, из него сразу началась разведка неизвестных земель во все стороны. Острог занимал узловое положение на стыке двух водных путей – Ангары и Лены. Наличие пашенных земель сделало Братский, Илимский, Иркутский остроги центрами земледелия. Илимск кормил хлебом огромный край. Илимскими крестьянами был основан Илгинский острог, который являл собой укрепленное земледельческое поселение.

Местными аграрными центрами стали Верхоленский, Усть-Кутский, Киренский, Идинский, Чечуйский и Тункинский остроги. Наличие полезных ископаемых давало возможность развития промышленности. В землях Братского и Идинского острогов была обнаружена железная руда, что повлекло за собой развитие железоделательного и кузнечного производств. Добыча соли осуществлялась в землях Идинского, Иркутского, Усть-Кутского острогов. В окрестностях Удинского острога добывалась слюда.

Крепостные сооружения, находившиеся в районах, пригодных для развития земледелия или богатых пушниной, довольно быстро стали превращаться в экономически развитые центры края.

Впервые Иркутская губерния как самостоятельная административная единица была образована в 1764 г. в составе Сибирской губернии и включала в себя Илимский, Иркутский, Нерчинский, Якутский, Охотский, Иркутский подгородный, Верхоленский Баргузинский, Селенгинский дискрикт. Это было огромное пространство, по сути, держава, объединяющая территории четырех существующих сегодня субъектов федерации России – Иркутской области, республик Саха (Якутии), Бурятии и Забайкальского края. Первым ее губернатором стал генерал-майор Карл Львович фон Фрауендорф – деятельный и толковый администратор. В 1782 г. в связи с организацией наместничества Иркутская губерния упраздняется и преобразуется в Иркутское наместничество в составе четырех областей: Иркутской, Нерчинской, Охотской, Якутской и 17 уездов. В этот период площадь губернии составляла 10 782 тыс. кв. верст. Отдаленность Сибири от центра страны обусловила гипертрофированное сосредоточение власти в руках наместников, которые имели значительную автономию в решении многих вопросов, обращаясь в центральные и высшие учреждения империи лишь в наиболее важных случаях.

Административные реформы Павла I, направленные на централизацию и бюрократизацию государственного аппарата, сказались и на сибирском управлении. Обеспокоенный излишней самостоятельностью местной администрации, Павел I в 1797 г. упразднил наместничества, а губернские власти подчинил непосредственно контролю Сената. Согласно павловской реформе, Сибирь была разделена на две губернии – Тобольскую и Иркутскую. Губернским центром последней был провозглашен Иркутск, а вся территория губернии поделена на 15 уездов, подчиненных находящемуся в Иркутске «военному губернатору с гражданской властью». Однако самовластие назначенного в

1799 г. Иркутского военного губернатора Б. Б. Лецанно вызвало отпор со стороны иркутского купечества. В столицу потек мощный поток жалоб, а местное общество возбуждали ходившие по рукам памфлеты. Александр I, вступивший на российский престол 12 марта 1801 г., вслед за своим отцом продолжил преобразования на путях централизации и бюрократизации государственного аппарата. В первые же месяцы нового царствования в поле зрения правительства попадают и нужды сибирского края. В высших правительственных кругах начинают понимать, что Сибирь требует особой системы управления. 27 мая 1801 г. Непременный совет, рассматривая вопрос о Сибири, принял «в уважение, что страна сия, по великому ее пространству, по разности естественного ее положения, по состоянию народов ее населяющих, ... требует как в разделении ее, так и в самом образе управления особенного постановления». Для изучения местных условий Непременный совет предложил направить в Сибирь «особенного чиновника», которому предлагалось поручить представить проект нового административного устройства. Выбор Александра I пал на И. О. Селифонтова, бывшего в 90-х гг. XVIII в. вице-губернатором в Тобольске, а в 1796 г. назначенного генерал-губернатором в Иркутск, но так и не вступившего в должность в связи с ликвидацией генерал-губернаторств при Павле I. В данном ему 9 июня 1801 г. указе ставилась задача не только устранить имевшиеся в Сибири злоупотребления, но и подготовить проект административного преобразования региона. По окончании ревизии в 1803 г. было образовано единое для всей Сибири генерал-губернаторство с центром в Иркутске, которое и возглавил И. О. Селифонтов. Новому сибирскому генерал-губернатору 23 мая 1803 г. была дана особая инструкция, в которой генерал-губернатор именовался «хозяином» вверенных ему губерний. В Сенат он сообщал, что Иркутская губерния «в таком бедственном положении, что без слез взирать на нее невозможно». Несколько сибирских губернаторов было отдано под суд. Однако очень быстро вокруг генерал-губернатора сформировалось окружение, от которого во многом и зависел ход местного управления. И. О. Селифонтов прибыл в Иркутск с сыном и фавориткой мадам Бойе с дочерью. «Отношения сей матери и дочери к отцу и сыну, – отмечал декабрист В. И. Штейнцгель, – недолго оставались двусмысленными. Тотчас догадались, чрез кого надобно обделывать дела, – и обделывали, что хотели и как хотели». Единственным реальным результатом деятельности Селифонтова в Иркутске стало разделение Иркутской губернии в 1803 г. на Иркутский, Нижнеудинский, Верхнеудинский, Киренский, Нерчинский и Якутский уезды. В целях оптимизации управления северовосточными территориями империи из Якутского уезда в 1805 г. была образована Якутская область, в полицейском и финансовом отношении подчинявшаяся Иркутскому губернскому правительству. Административные преобразования Селифонтова способствовали распространению генерал-губернаторской власти на финансово-хозяйственную часть местного управления, что вызвало недовольство ряда столичных министерств, заподозривших генерал-губернатора в покушении на их властные prerogatives. К тому же И. О. Селифонтову и его окружению не удалось пресечь поток жалоб, продолжавший

достигать Петербурга. Как и прежде, основным средством борьбы с административным произволом оставался донос, в котором сибирское общество в начале XIX в. искало спасения. В 1805 г. Селифонтов был отстранен от должности. Казавшийся всемогущим, глава сибирской администрации пал в результате происков и интриг. Новым сибирским генерал-губернатором по личному выбору Александра I стал И. Б. Пестель. Это назначение нисколько не обрадовало Пестеля. Наоборот, он даже пытался отказаться от должности. Однако выделенная из казны сорокатысячная беспроцентная ссуда для оплаты долгов стала мощным стимулом согласия на поездку Сибирь. По прибытии в Иркутск И. Б. Пестель, пользуясь доверием императора, предпринял меры по укреплению своей личной власти в крае. Он настоял на назначении иркутским губернатором лично преданного ему Н. И. Трескина, который стал «правою рукою» Пестеля, главным деятелем во все его управление Сибирью. С этого времени основной чертой деятельности сибирской администрации стало «упоение властью».

18 августа 1807 г. генерал-губернатор выехал из Иркутска, пробыв в Сибири всего 10 месяцев, чтобы больше туда не возвращаться, но еще в течение 12 лет управлять краем из Петербурга. По этому поводу А. И. Герцен саркастически заметил, «что и проконсулы жилали в Риме». Основной чертой управления губернией у Пестеля и Трескина стало сочетание хозяйственных, патриотических инициатив и упоение властью. Хотя Сибирь и находилась далеко от Петербурга, тем не менее, система управления краем, созданная Пестелем в столице, а Трескиным в Иркутске, удивительно напоминала арацеевские военные поселения Европейской России. Жестокие наказания и мелочная регламентация всех сторон жизни сибиряков – вот одна из основных составляющих этой системы. Люди инакомыслящие карались немилосердно. Особенно преследовался «сибирский дух ябеды», при этом администрации было абсолютно безразлично, кто являлись «жалобщиками» – именитые граждане или простые обитатели. По прямому указанию Трескина было сфабриковано два дела против наиболее влиятельных представителей иркутского купечества – городского головы М. В. Сибирякова и его тестя Н. П. Мыльниковых «как вредных нарушителей общественного спокойствия». По ходатайству Пестеля император предоставил генерал-губернатору право выслать этих людей из Иркутска по собственному «благоусмотрению». В одно прекрасное утро Сибиряков и Мыльников были приглашены в губернское правление, где их ожидало предписание Пестеля о том, что они, «как вредные члены общества и составители комплотов против начальства», без суда и следствия ссылаются навсегда: Сибиряков – в Нерчинск, а Мыльников – в Баргузин. Сибиряков, будучи по натуре железным человеком, вынес этот удар, а Мыльникова разбил паралич, и, уже больной, он был отвезен к месту своего заточения. Позднее, пытаясь, вероятно, оправдаться, Пестель в своих бумагах отмечал, что в Нерчинске Сибиряков имел «главную торговлю», а Баргузин был полезен Мыльникову минеральными источниками, поскольку последний страдал «ревматизмом и параличом». Вслед за этим из Иркутска были высланы еще некоторые представители «партии недовольных», в том

числе брат М. В. Сибирякова и купец Дудоровский. Правящий архиерей Иркутской епархии епископ Михаил с возмущением сообщал обер-прокурору Святейшего Синода князю А. Н. Голицину о том, что по приказанию одного из ближайших соратников Трескина – нижеудинского исправника Лоскутова – казаки высекли протоиерея местной церкви Орлова.

Воспоминания современников и старожилов Иркутска донесли до нас весьма противоречивые отзывы о Трескине. Наряду с резкой критикой, многие из них содержат весьма хвалебные оценки его деятельности, называя Трескина «гениальнейшим администратором», ума и деятельности которого хватило бы на «десять губерний». Особую заслугу Трескина современники видели в том, что он приучил к хлебопашеству и сенокосению кочевых бурят и навел в Иркутске чистоту и порядок. В этих оценках содержится немалая доля истины. Ко времени приезда Трескина в Иркутск город, «известный по своей знатной торговле», имел «вид первобытного состояния». Продуманные планировка и застройка городской черты отсутствовали, и даже на главных улицах и площадях нередко можно было наблюдать «в избытке» не только ветхие, но и «вышедшие из линии строения». Хаотичность застройки городских улиц доходила до того, что зачастую между домами сложно было проехать на обычной телеге. Во время дождей многие пешеходные места города превращались в настоящее болото.

По распоряжению Трескина улицы и площади Иркутска были подняты и высушены, на главных и даже второстепенных улицах проложены гати. Однако чтобы придать Иркутску «благопристойную наружность», необходимо было прежде всего исправить «кривизну и косину» улиц. Для этого Трескину пришлось проявить не только известную настойчивость, но и изобретательность. Он предписал полицейским чинам осуществлять строгое наблюдение за тем, «чтобы не в плане стоящие ветхие строения не позволять починять», уповая на то, что эта мера заставит нерадивых домовладельцев перенести дома на новое место «по плану» или продать их другому. Но четырехлетний опыт показал «совершенную unsuccessfulность» исполнения этого предписания: городские жители стали поддерживать разваливающиеся дома изнутри подпорками. Тогда Трескин принимает принципиальное решение о сносе домов, стоящих не по плану. При этом согласия домовладельцев никто не спрашивал. За неполные два года, с 1810 по 1812 г., было разобрано 35 домов. Спустя много лет старожилы Иркутска вспоминали, как специальная команда, оснащенная топорами и пилами, разбирала и отпиливала углы домов, «сколько нужно по линии улицы». В то время в Иркутске можно было наблюдать удивительную картину, когда полураспиленный дом открытой частью выходил на улицу, а в другой части ютился хозяин с семьей. Исправлению подверглись не только обывательские строения, но и питейные дома, кабаки, многие из которых были «не только не в плане, но даже посреди самих улиц, ветхие и безобразные». Несомненной заслугой Трескина стало приведение в порядок казенных и публичных зданий губернского центра, в частности, постройка городских запасных магазинов для хранения стратегических запасов хлеба, здания городской полиции, пожарной команды и др.

Правление Трескина в Иркутске хронологически совпало с тяжким испытанием в истории России – Отечественной войной 1812 г. Еще в 1806 г. после указа Александра I об усилении войск, сражающихся с французами, в Иркутске был сформирован батальон добровольцев из 600 человек. Зимой следующего года он отбыл на запад. Многие иркутяне стремились вступить в ополчение и в 1812 г. Но поскольку на территории Сибири ополчения не формировались, «охотникам» приходилось добираться до Казани и уже там записываться в формирующиеся части. Буквально в первые недели войны в Иркутске было набрано 566 рекрутов, которых снаряжали и провожали горожане. Наряду с этим в городе проводились общественные сходы, на которых принимались решения о пожертвованиях «для отражения врагов Отечества». В Государственном архиве Иркутской области сохранился список мещан с указанием пожертвованных каждым из них сумм. В сражениях Отечественной войны 1812 г. принимали участие сведенные в одну бригаду Иркутский и Сибирский драгунские полки. Иркутским полком командовал подполковник Южаков, получивший за участие в Бородинском сражении орден Святого Владимира IV степени. Воины полка покрыли себя неувядаемой славой, отличившись в кавалерийской схватке за главную позицию Бородинского сражения – батареею Раевского. По словам военного министра Барклая де Толли, это была «кавалерийская битва из числа упорнейших когда-либо случавшихся». В этой битве полк потерял более 120 человек. Среди участников этого выдающегося сражения отличились и уроженцы Иркутска и губернии – Федор Башкевич, Михаил Харитонов, Иван Таюрский, Алексей Высокий и др. После окончания кампании 1812 г. драгунский полк был направлен на реформирование. В заграничных походах русской армии 1812–1814 гг. принимал участие уже Иркутский гусарский полк. Очевидно, что именно такое сочетание хозяйственных и патриотических инициатив и методов их осуществления вызывали впоследствии снисходительные оценки деятельности Трескина в Иркутске.

Безусловно, такое мнение имеет право на существование. Однако нельзя забывать и другое – масштабы бесчинства, беззакония и злоупотреблений чиновников. В Иркутске административный гнет ощущался особенно сильно. Здесь «Трескин и закон были синонимы, более: был только Трескин, а закон был далеко, далеко!» – вспоминал современник. Столкновение чиновничьей партии и городского сообщества поначалу закончилось торжеством бюрократии. Однако само городское общество не было раздавлено самовластием. Оно протестовало и сопротивлялось всеми возможными средствами. В итоге царским указом от 22 марта 1819 г. известному реформатору М. М. Сперанскому было поручено провести очередную ревизию Сибири. Этим же указом он назначался новым генерал-губернатором края. Фельдъегерем в Пензу, где Сперанский отбывал почетную ссылку, были доставлены письма (частное и официальное) гр. А. А. Аракчеева, выписка из положения Комитета по делам Сибирского края, инструкция для ревизии и еще ряд бумаг. М. М. Сперанский воплощал в себе идеальный тип бюрократа-реформатора. Еще в Пензе у него созрел свой подход к реформированию местного управления. В лучшем уст-

ройстве губернских учреждений ему виделся способ улучшить управление в стране в целом, предварить административными преобразованиями реформы политические, дабы избежать серьезных потрясений.

М. М. Сперанский лично объехал большую часть Сибири, посетил кроме губернских городов Омск, Верхнеудинск, Кяхту, Семипалатинск, Читу и др. Если в Тобольске проведение ревизии не представляло особой сложности, то в Томске наблюдалась противоположная картина. «Злоупотребления были вопиющие. Если в Тобольске виновных следовало отдать под суд, то здесь оставалось бы уже всех повесить», – писал ревизор. Однако настоящим гнездом злоупотреблений являлась Иркутская губерния, границ которой Сперанский достиг 14 августа, а 29 августа, накануне Александра дня, прибыл в Иркутск. К приезду нового генерал-губернатора город готовился как никогда. Иркутянам надолго запомнилась встреча. Основные сооружения города – Кафедральный собор, Триумфальные ворота и главные улицы – Большая и Заморская – были буквально залиты огнями. На переправе через Ангару гремел оркестр, а среди огромного стечения народа выделялись губернатор Трескин с чиновниками в парадных мундирах и орденах. В дневнике Сперанский так описал впечатления об Иркутске: «Вид освещенного города из-за реки был великолепен».

Ревизия Сперанского Иркутской губернии вскрыла значительные злоупотребления. В итоге генерал-губернатор Пестель был отстранен от должности, Трескин отдан под суд, а вместе с ним еще около семисот чиновников. Однако главным делом Сперанского была не ревизия, которой он очень тяготился, а разработка проектов реформы. По возвращении М. М. Сперанского в Петербург для рассмотрения его отчета и плана реформ 21 июня 1821 г. был создан I Сибирский комитет, составленный из высших сановников империи. За короткий срок, с 28 июля 1821 г. по 19 мая 1822 г., в Сибирском комитете был рассмотрен целый пакет законодательных актов. Всего 22 июля 1822 г. было утверждено царем 10 законов, составивших особое «Сибирское учреждение» и поражающих своим объемом – он составлял 4019 параграфов, отличавшихся исключительной для того времени глубиной проработки правовых актов. Это «Учреждение для управления сибирских губерний», «Устав об управлении инородцами», «Устав об управлении киргиз-кайсаков», «Устав о ссыльных», «Устав об этапах», «Устав о сухопутных сообщениях», «Устав о городских казаках», «Положение о земских повинностях», «Положение о хлебных запасах», «Положение о долговых обязательствах между крестьянами и между инородцами». Новую систему управления Сперанский попытался построить на компромиссе между верховной, т. е. самодержавной, властью и региональными интересами, отчетливо понимая невозможность в тот исторический отрезок времени подчинить Сибирь действию общеимперского законодательства.

В итоге реформы 1822 г. Сибирь была разделена на Западно-Сибирское и Восточно-Сибирское генерал-губернаторства, административными центрами которых стали соответственно Тобольск и Иркутск. В состав Западно-Сибирского генерал-губернаторства вошли Тобольская, Томская губернии и Омская область, Восточно-Сибирского – Иркутская и Енисейская губернии,

Якутская область, Охотское и Камчатское приморские и Троицко-Савское пограничное управления. В Енисейскую губернию с центром в Красноярске были включены уезды, выделенные из состава Томской и Иркутской губерний. Отныне в край посылались два генерал-губернатора. В соответствии с «Учреждением» устанавливалась следующая административно-территориальная иерархия края. Губернии и области делились на округа, а те, в свою очередь, на волости и инородные управы. В итоге в губернии были образованы Иркутский, Киренский, Верхнеудинский, Нижнеудинский и Нерчинский округа, просуществовавшие до 1859 г. Проводимая реформа имела ряд существенных особенностей. Одной из них явилось учреждение в обоих генерал-губернаторствах советов на всех уровнях управления. Это было новшеством не только в сибирской, но и в общероссийской административной практике. Основная задача советов, состоящих из шести членов, заключалась в противостоянии «самовластию» на всех уровнях. Сибирские законодательство 1822 г. логично вписывалось и дополняло доктрину окраинной политики самодержавия. Разработанное в Иркутске, оно стало первым опытом регионального законодательства в империи, действовавшего без существенных изменений вплоть до конца XIX в. и опередившего общероссийскую кодификацию законов на десять лет. В 1851 г., в период генерал-губернаторства Н. Н. Муравьева, Верхнеудинский и Нерчинский округа были переданы в состав образованной Забайкальской области с центром в г. Чите. В Иркутской губернии осталось только три округа, каждый из них по площади превышал «иную внутреннюю губернию». Значительный разброс населенных пунктов, плохие пути сообщения и быстрые темпы роста населения губернии в первой половине XIX в., по мнению Муравьева, увеличивали трудности управления этими округами. По его представлению 6 декабря 1856 г. произошло новое разделение Иркутской губернии. Вместо трех появилось 5 округов: из части Нижнеудинского и Иркутского были образованы два новых округа: Балаганский и Верхоленский. Прежнее внутреннее административное деление Иркутской губернии на 5 округов формально было сохранено. Территория вновь образованных округов стала более компактной и управляемой. Деление Иркутской губернии на Иркутский, Балаганский, Верхоленский, Нижнеудинский и Киренский округа сохранялось вплоть до конца XIX в. В 1898 г. округа были переименованы в уезды. В этом формате, несмотря на определенные внутренние перестройки, Иркутская губерния просуществовала вплоть до крушения империи в 1917 г. Менялись лишь ее площадь, состав населения. В начале XIX в. площадь губернии составляла около 10,8 тыс. кв. верст, ко времени начала Первой мировой войны она достигла 786,4 тыс. кв. верст. Губерния была одним из наиболее крупных административных образований империи. Однако с численностью населения дело обстояло иначе. В середине XIX в. оно составляло около 320 тыс. душ обоего пола, а к началу XX в. численность народонаселения достигла 820 тыс. Основной причиной роста населения стали переселения крестьян из губерний Европейской России. Интенсивный приток переселенцев приводил к смещению этнографической границы проживания коренного, в основном бурятского, населения, к снижению его

удельного веса в общей массе населения губернии при постоянном, причем устойчивом росте численности бурят. Эти процессы значительно усилились в связи с проведением Транссибирской железной дороги в начале XX в. Первый поезд прибыл в Иркутск в августе 1898 г., а в 1905 г. было завершено строительство Кругобайкальского участка железной дороги до станции Мысовая.

В июле 1878 г. был утвержден герб губернии: в серебряном щите черный бегущий бабр с червлеными глазами, держащий во рту червленого соболя. Щит был увенчан императорской короной и окружен золотыми дубовыми листьями, соединенными Андреевской лентой.

На всех этапах истории губернии ее административным, экономическим и культурным центром оставался Иркутск, отметивший в 2011 г. свое 350-летие и получивший к своему юбилею прекрасный подарок в виде 130-го квартала. На протяжении истории досоветской Сибири Иркутск, расположенный в 70 километрах от Байкала, напоминал собой бурлящий котел, в котором «заваривались» стратегические планы продвижения России на Восток, административных реформ и т. д. Неслучайно среди «главных начальников» земли Иркутской было немало выдающихся личностей – М. М. Сперанский, Н. Н. Муравьев-Амурский и др. Спустя два десятилетия после основания, уже в 1682 г. Иркутск – центр самостоятельного воеводства, в 1686 г. Иркутск официально получает статус города, в 1722 г. Иркутск становится провинциальным, а в 1764 г. – губернским центром. Административный аспект породил такой благоприятный факт истории города, как сосредоточение в нем большого числа дворян и чиновников, которые своей культурой во многом способствовали развитию градостроительных процессов. Принципиальной особенностью Иркутска, отличавшей его от всех остальных губернских и областных центров региона, стало сосредоточение в нем на протяжении всего XIX и начала XX в. властей трех уровней – городского самоуправления, губернской администрации и Восточно-Сибирского, впоследствии Иркутского генерал-губернаторства. Наряду с этим с 1727 г. Иркутск являлся и центром Иркутской епархии Русской православной церкви. Это была настоящая держава, территория которой значительно превышала площадь большинства европейских государств. Соседство и взаимодействие светских и духовных властей на огромной территории в глазах большинства современников придавали Иркутску особый статус, что находило выражение в различных сферах деятельности: дипломатической, экономической, административной, духовной и культурно-бытовой. Имея в виду именно отмеченное обстоятельство, Г. Н. Потанин, один из лучших знатоков дореволюционной Сибири, отмечал: «Ни один город в Сибири не поставлен в такие условия, как Иркутск; ни в Томске, ни в Омске никогда не было такого хорошего подбора чиновников, какой был в Иркутске... эти чиновники, иногда с университетским образованием ...поднимали в местном обществе не только запросы внешней культуры, но и приучали его интересоваться и русской литературой, и вопросами общественной и государственной жизни». Здесь уместно отметить, что получение статуса административного центра губернии или области в обязательном порядке сопровождалось наплывом большого числа чиновников различ-

ных рангов. К примеру, в 60-х гг. XIX в. в Иркутске действовало 33 учреждения различных ведомств и министерств: внутренних дел, юстиции, финансов, народного просвещения, почт и телеграфа, учреждения императрицы Марии.

Иркутская губерния была упразднена в июле 1926 г. в связи с переходом Сибири с губернской на окружную систему административно-территориального устройства. На ее территории были образованы Иркутский, Киренский и Тулунский округа. В сентябре 1937 г. просуществовавшая около 10 лет Восточно-Сибирская область была разделена на Читинскую и Иркутскую области. Именно с этого времени и ведет свою «самостоятельную» историю Иркутская область.

1. Вагин И. Исторические сведения о деятельности М. М. Сперанского в Сибири с 1819 по 1822 год : в 2 т. / И. Вагин. – СПб., 1872.

2. Дамешек Л. М. Сибирские «иногородцы» в имперской стратегии власти XVIII – начала XX вв. / Л. М. Дамешек. – Иркутск, 2007.

3. Иркутск в панораме веков. Очерки истории города. – Иркутск, 2002.

4. Корф М. А. Жизнь графа Сперанского : в 2 т. / М. А. Корф. – СПб., 1861.

5. М. М. Сперанский: сибирский вариант имперского регионализма. – Иркутск, 2003.

6. Ремнев А. В. Самодержавие и Сибирь. Административная политика в первой половине XIX в. / А. В. Ремнев. – Омск, 1995.

7. Ядринцев Н. М. Сибирь как колония / Н. М. Ядринцев. – СПб., 1882.

1. Dameshek L. M. The Siberian "non-Russians" in the imperial policy in the 18th- early 20th c. / L. M. Dameshek. – Irkutsk, 2007.

2. Vaguin I. Historical evidence of M. M. Speranskiy's activity in Siberia from 1819 to 1822 in 2 vol. / I. Vaguin. – SPb., 1872.

3. Irkutsk throughout the centuries. Essays on history of the city. – Irkutsk, 2002.

4. Korf M. A. Count Speranskiy's life in 2 vol. / M. A. Korf. – SPb., 1861.

5. M. Speranskiy: Siberian variant of imperial regionalism. – Irkutsk, 2003.

6. Remnev A. V. Autocracy and Siberia. Administrative policy in the first half of the XIXth c. / A. V. Remnev. – Omsk, 1995.

7. Yadrintsev N. M. Siberia as a colony / N. M. Yadrintsev. – SPb., 1882.

The Empire's Sustaining Land. To the 75-th Anniversary of the Irkutsk Region Formation

L. M. Dameshek

Irkutsk State University, Irkutsk

The article examines the history of the Irkutsk province formation from the XVII c. up to 1917.

Key words: Pribaikalye, history, formation, Irkutsk province.

Дамешек Лев Михайлович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России Иркутского государственного университета, 664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1, тел. 8(3952)240522, e-mail: info@ipkro.isu.ru

Dameshek Lev Mihailovich – Doctor of Historical Science, Professor, Head of the Department of Russian History, the Irkutsk State University, 664003, Irkutsk, Karl Marx St.,1, phone 8(3952)240522, e-mail: info@ipkro.isu.ru